

Наш
Ковчег

Виктор Кротов

В каждом светит лучик

Творческий опыт

занятия словесным творчеством
с особыми детьми
и не только с ними

Виктор Кротов
В каждом светит лучик.
Занятия словесным
творчеством с особыми
детьми и не только с ними

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21619058
ISBN 9785448333088*

Аннотация

Автор книги, организатор и руководитель детских и взрослых литературных студий, рассказывает об уникальном опыте занятий для детей с ограниченными возможностями. Описаны принципы занятий, представлены результаты творчества детей. Показано, как каждый ребёнок ищет своё русло самовыражения. Книга обращена к каждому, кого волнует проблема включения в общество и самореализации людей с особенностями здоровья и для кого ценен опыт взаимообогащения людей с инвалидностью и их здоровых собратьев.

Содержание

Часть первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

21

В каждом светит лучик Занятия словесным творчеством с особыми детьми и не только с ними

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3308-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ОСОБАЯ КНИГА

В этой книге описан опыт работы необычной литературной студии. Необычной по всему: по методике работы, по графику деятельности, но самое главное – по своим участникам. Каждый из них – совершенно особая, даже уникальная личность.

Поэтому и книга будет необычной.

Мы начнём с новеллы о том мире, где начала работать студия. Это был лагерь Центра экосистемной реабилитации «Солнечный мир» под Балабановым. Позже был лагерь под

Егорьевском, название центра изменилось на «Наш солнечный мир», некоторые участники студии стали заниматься в московских студиях «Родник» и «Росток», но это было потом.

Студия «Лучик» проработала пять лет – в самом буквальном смысле слова. Ведь занятия происходили только летом, в течение одной лагерной смены. Зато каждый день. И вторую часть книги составит описание тех педагогических подходов, которые были положены в основу её работы.

Наконец, третья часть книги позволит читателю встретиться с самими участниками студии, познакомиться с их восприятием мира, с их фантазией, с их размышлениями.

Пять лет – срок немалый, и некоторые авторы предстанут перед нами в разных возрастах. Интересно присмотреться и к этому движению по возрастным ступенькам. На каждой из них совершаются всё новые открытия мира и проявляются возможности поделить своим взглядом на него.

А для того, чтобы читатель не забывал о том, что всякая методика лишь служит живому человеку, мы вторую и третью части перемешаем друг с другом. Можно почитать немного о том, КАК работать, и посмотреть, ЧТО получается вот у этого конкретного замечательного автора.

Но сначала – новелла. Некоторые имена в ней изменены, но не все, а самому автору пришлось разделить на двух довольно разных персонажей, однако всё это лишь для того, чтобы лучше передать удивительную атмосферу происходя-

щего.

Виктор Кротов

Часть первая

Светлая чаща

В этот странный лагерь меня занесло случайно. Собрался к себе на дачу, два-три дня продышаться в одиночестве, а мой приятель обрадовался:

– Тебе же через Балабаново ехать! Заверни в лагерь, за три минуты дорулишь, передай одному человеку книгу, она ему очень нужна. Заодно посмотришь, там интересно. Может, статью напишешь.

Ну да, конечно! Раз журналист, значит непременно статью. А что человеку просто отсидеться в тишине надо, от всех житейских досад, что ни с кем лишним общаться неохота, – это разве кому объяснишь?.. Ладно, завезу я твою книгу, а уж без статьи, извини, как-нибудь обойдёмся.

Так я там и оказался. В чаще громадных елей (впрочем, были ещё сосны и берёзы), среди которых стояли жилые корпуса, беседки и множество качелей.

...Мне навстречу шла девочка лет пятнадцати. Походка у неё была скованная, но лицо светилось радостью. Кого-то она увидела, наверное, за моей спиной. Я оглянулся. Позади никого не было. Девочка подошла и улыбнулась шире некуда. Она радовалась *мне*.

– Здравствуйте! – громко сказала она. – Как хорошо, что

вы приехали. Меня зовут Тая. Не Таня, а Тая. Все путают.

Я не успел сообразить, как себя вести. Девочка приветственно махнула мне рукой и свернула на боковую дорожку... То ли это игра такая – сиять навстречу незнакомцу, то ли ещё что.

Чаща была настоящая. Солнце в неё почти не проникало. Пару раз я заметил на елях белок, а потом увидел трёх бельчат, бегающих прямо по земле, устланной хвоей с живописно разбросанными шишками. Эх, будь на душе у меня полегче – как бы я всем этим наслаждался...

Из просторной беседки неслась старинная музыка. Дуэтом играли флейтист и скрипачка. Рядом с ними никого не было, но играли они на выкладку, словно на сцене консерватории. Я подошёл и присел на скамейке. Они повернулись и стали играть для меня. Почувствовали, что музыка мне нравится – и тут же молчаливо приняли меня в свой ансамбль. Флейтист, Скрипачка и Слушатель. По-моему, у нас получалось отлично...

А на дорожке раздалось неторопливое цоканье копыт. Всаднику было лет семь. Лошадь вела под уздцы девушка в оранжевых брюках, а сбоку шёл белокурый парень и перебрасывался с наездником небольшим матерчатым мячом. У беседки они остановились.

Музыканты повернулись к всаднику и заиграли другую пьесу, в его честь. Мальчик на лошади замычал, словно подпевая. Хотя, кажется, мычание заменяло ему и разговор. По-

том лошадь зацокала дальше.

Всё-таки в странное место я попал.

– Спасибо, – сказал я музыкантам и вышел из беседки.

– Приходите ещё, – отозвался флейтист. – Вы очень хорошо слушаете. А если захотите на флейте научиться играть – пожалуйста...

– Тарквиний! Галатея! – окликнула тем временем скрипачка двух детишек, упоённо качавшихся на качелях. Качели стояли на вершине небольшого круглого холма, словно на маленькой планете. – Вы не устали качаться?

– Не-е-ет! Не-е-ет! – пропели те на разные голоса, но удивительно созвучно...

– Понимаешь, – звонко произнёс невысокий щуплый мальчик в круглых очочках, мимо которого я проходил, – этот поток достигает основного русла в две целых семь десятых раза быстрее, чем тот!

Мальчик изучал ручейки, бегущие от протекающей водопроводной трубы. Рядом был только я, больше никого. Мне ничего не оставалось, как отозваться:

– И как же ты это установил?

– Эмпирически, – пожал мальчик плечом и погрузился в созерцание текущих струй столь отрешённо, что я понял: аудиенция закончена...

А навстречу шёл мальчик постарше, лет тринадцати. Он не шёл, а словно немного взлетал с каждым шагом, а потом с сожалением приземлялся. Он что-то говорил сам себе

и смотрел вперёд громадными голубыми глазами, не замечая ничего вокруг.

– Здравствуй! – сказал я ему.

– Здравствуй, – отозвался он эхом.

Взгляд его на мгновение коснулся меня, и я замер на месте. Словно само небо глянуло на меня: спокойно, почти не замечая, но излучая свою блаженно-небесную сущность. Это было и радостно, и больно.

– Правда, аутисты¹ – особые существа? – спросил меня кто-то, подошедший так быстро, что я не успел этого заметить.

Высокий, худощавый, с курчавой шевелюрой, достойной рок-музыканта. Он искрился интересом ко всему, что происходит вокруг, и какой-то деятельной энергией, постоянно выбирающей себе наиболее подходящее русло. Лёгкую паузу, предоставленную для ответа, я использовать не сумел, но это было и не обязательно. Вопрос непринуждённо перешёл в ответ.

– Господь им чего-то не дал, а что-то особое дал с избыт-

---

¹ При аутизме у человека ослаблен или потерян контакт с людьми, интерес к реальным событиям и явлениям. У аутичного ребенка или взрослого заметны повторяющиеся, как будто «механические» действия и высказывания, часто бывают непонятные окружающим страхи; нередко такой человек не может говорить, хотя слышит и понимает речь. Порой кажется, что аутичный ребенок не замечает окружающего мира, но на самом деле он остро чувствует отношение к себе и потому прежде всего нуждается в эмоциональном покое, стабильности, ненавязчивой поддержке со стороны окружающих. (Прим. ред.)

ком. Вот и Андрей – ему очень трудно общаться. Я просто горжусь, что он вам сказал «здравствуй». Но, знаете, это особая личность!.. А вы, наверное, журналист? И книга у вас под мышкой – для меня. Меня зовут Игорь. За книгу спасибо. Приходите на взрослый тренинг в полдвенадцатого. Если получится, конечно.

Кое о чём я хотел бы расспросить, но не успел. С трёх разных сторон раздались крики «Игорь! Игорь! Игорь!» – и он убежал, по-моему, в три стороны сразу.

Я задумался: почему в полдвенадцатого? Сейчас ведь первый час. Значит, в полдвенадцатого НОЧИ? Неужели он думает, что я здесь ночевать останусь?.. Ну и напористые они здесь!

– Мне Игорь сказал, что вы журналист! – тонким срывающимся голосом обратился ко мне парень лет восемнадцати, ужасно высокий и ужасно худой. – А как по-вашему, справедливо ли Чуковского причисляют к великим детским поэтам? Вы заметили, с какой навязчивостью он писал о крокодилах?..

И мы углубились в обсуждение тонкостей поэтики классика детской литературы. Костя (представиться он забыл, но я всё-таки вытребовал у него имя) напал, мне оставалось защищать дедушку Корнея. Что ж, мне и вправду нравились его стихи, а крокодилы меня вовсе не смущали. Потом дошло и до Хармса, и до Сапгира (его Костя уважал).

Юный эрудит шпарил стихи наизусть, и некоторые из них, признаться, я слышал впервые.

– С вами интересно разговаривать, – обронил мой собеседник. – Здесь не так много начитанных людей. К тому же я тут всем уже надоел.

– Прошу прощения, – вмешалась в разговор строгая рыжеволосая женщина. – Мне сказали, что вам нужно дать талоны на обед и на ужин. А переночевать вы можете в летнем корпусе номер два, вторая комната.

– Вот видите, – с горечью сказал Костя. – Наш разговор ничего не стоит. В любой момент его можно оборвать.

– Костя, перестань, я тебя умоляю, – вздохнул женщина.

– Да, конечно! Всегда одно и то же. Всё, уйду. Естественно – никому я не нужен! – пронзительно воскликнул Костя, воздевая руки к небу.

Быстрыми шагами он унёсся прочь и вскоре исчез среди елей.

– Ничего страшного, – женщина грустно посмотрела мальчику вслед. – Просто нелегко жить с шизофренией. А вообще-то он очень талантлив. И сам стихи сочиняет. Попросите его прочитать...

– Попрошу. У вас, видно, уже решено меня до завтра оставить.

– Почему до завтра? Я вам утром в столовой на любой день выдам талоны.

– Ах, да! За талоны спасибо.

– Почему спасибо? – удивилась женщина. – Сорок рублей за обед и двадцать за ужин. Мы благотворительная организация, но только для тех, кому это действительно нужно.

– Ой, извините, – я с облегчением полез за кошельком.

Приятно знать, что ты ничем никому не обязан. А то будут ждать от меня ответных любезностей, журналистских. Очерк там, или ещё что. Но я же во всех этих аутизмах и шизофрениях тёмный лес.

Ещё тут было много «дэцепэшников» – детей с церебральным параличом². Так мне сказал Александр Иванович, главный в лагере врач, который подсел ко мне на скамейку. Это было перед плацем – утрамбованной площадкой, где с детьми занимались ездой на лошадях.

– Лечебной верховой ездой, – уточнил доктор. – Или, по-другому, иппотерапией.

– О, новое веяние? – усмехнулся я.

– Какое там новое! Ещё Гиппократ советовал верховую езду для больных и раненых, а особенно для душевнобольных. Так и говорил, что она освобождает от тёмных мыслей, приносит весёлые и ясные. Да и не только мысли. Тело, психика – всё на лошади оживает. Мы только подбираем для

---

² По сути ДЦП (детский церебральный паралич) – это не болезнь, а состояние, при котором нормальное развитие ребенка чрезвычайно затруднено. Детям и взрослым с последствиями ДЦП из-за поражений мозга, произошедших в ранний период развития, трудно, а порой и невозможно управлять своим телом, речью и даже взглядом. (Прим. ред.)

каждого нужные ему упражнения. Вон, глядите, Дима на Руула садится.

Диме на вид было лет семь (десять, поправил доктор). Он упорно смотрел в землю – наверное, потому, что двигаться по ней ему было очень трудно. Двое взрослых помогли ему вскарабкаться на деревянные ступени помоста, возле которого стоял широкобокий конь Руул цвета крем-брюле и с ещё более светлой гривой. Проверили, хорошо ли застёгнут шлем на голове у мальчика, неторопливо, движение за движением, усадили его в седло, вставили ноги в стремяна. Парень-коновод какого-то очень странного, наивно-важного вида, взял под уздцы коня, и они отошли от помоста.

И вдруг мне показалось, что в седле сидит совсем другой мальчик! Плечи у него развернулись, голова была поднята, он смотрел вперёд радостно и уверенно. С двух сторон от Руула шли сопровождающие и откровенно Димой любовались, как залюбовался и я.

А через пару минут начались упражнения. Дима наклонялся к шее лошади, откидывался назад, почти ложась на круп, делал повороты телом с расставленными в стороны (насколько получалось) руками.

– Да, – смущённо признался я, – на лошади я пару раз сидел. Удержаться получалось. Но чтобы ещё так крутиться... Цирк какой-то.

– Для вас цирк, – кивнул доктор. – Для Димы удоволь-

ствие. А для меня – снижение амплитуды гиперкинеза³, увеличение объёма движений в суставах, уменьшение реактивности ну и всякая прочая рутина... Полгода назад он был безнадежным колясочником. А коновод у него с диагнозом олигофрения⁴. Но с двумя золотыми медалями чемпионата по верховой езде среди инвалидов.

– Ладно, а вон та девочка, на чёрном коне? Она-то совсем нормальная. И ездит сама. чуть ли не галопом!

– Ксюша-то? Конечно, нормальная! И талантливая: в какую мастерскую ни зайдёте, всюду её работы заметны. А вот на медосмотр в назначенное время не пришла. Встала возле медпункта и стоит. Отец её уговаривает, а она молчит и в сторону смотрит. На следующий день пришла, а почему накануне идти не хотела – объяснить не может. С незнакомыми людьми общаться – проблема... Смотрите, вон у неё занятие закончилось, отошла Сюзанну пасти. Подойдите, погово-

---

³ *Гиперкинезы* (греч. *hyper* – избыточный + *kinēsis* движение) – произвольные, не контролируемые человеком движения мышц лица, туловища, рук или ног. (Прим. ред.)

⁴ *Олигофрения* – снижение интеллектуальных способностей. Обычно людям с олигофренией трудно ориентироваться в жизни, анализировать происходящее, самостоятельно планировать свои действия, поэтому в большинстве случаев им всю жизнь требуется специальное обучение, а также забота и уход со стороны окружающих. Люди с небольшой задержкой умственного развития при наличии такой поддержки способны хорошо приспособиться к жизни. Тем, у кого олигофрения выражена сильнее, для адаптации к жизни требуется более серьезная помощь, при этом они все равно остаются зависимыми от других людей. (Прим. ред.)

рите с ней. Для контакта советую начать с лошадей. Тут она специалист. Только Сюзанну конём не называйте. И не чёрная она лошадь, а вороная.

Я подошёл к девочке с серьёзным лицом – тонкой, изящной, высокой для своих одиннадцати лет. Она задумчиво сгоняла слепней с шеи Сюзанны, которая с аппетитом щипала траву.

– Привет, Ксюша, – сказал я бодро и услышал в ответ тихое эхо: «Привет». – Александр Иванович говорит, ты в лошадях хорошо разбираешься. Сюзанна твоя любимица, наверно?

– Сюзанна замечательная, – Ксюша оживилась, улыбнулась и похлопала лошадь по шее. – У неё и рысь отличная, и галоп. Вот только одна на плацу работать не любит, если других лошадей нет. Но больше всего я люблю Тимура, Тимошу. Я его каждый вечер два часа пасу. А чищу и его, и любого, кого позволят. И корм помогаю для всех них готовить.

– Покажешь Тимура?

– Я после ужина пасу его на поле у конюшни. Тимура сразу узнаете: гнедой, а на шее повязка с кисточками. Я специально для него в ткацкой мастерской сплела. Сюзанна, кончай питаться. Нам машут, следующий заниматься пришёл. Пошли, пошли!..

С трудом оторвав вороную целительницу от угощения, Ксюша повела её к плацу.

Теперь мне навстречу по дороге вышагивала огромная марионетка. Улыбающийся человечек в шикарном наряде так радушно размахивал руками и приплясывал при ходьбе, что мне самому захотелось пуститься в пляс. Вёл марионетку красивый подросток лет пятнадцати в чёрном картонном цилиндре. Лицо у него было ясное, открытое и слегка отрешённое.

С крыльца мастерской, из которой он вышел (в окне торчала табличка «Швейная мастерская»), полноватая молодая женщина весело кричала:

– Посмотрите, какую отличную куклу Коля сделал. И как она у него расхаживает!..

– Здравствуй, Коля, – сказал я. – Кукла у тебя и в самом деле великолепная.

– Я не Коля, – торопливо отозвался мальчик. – Я Сюзанна. Вот, глядите.

Он сорвал пучок травы, сунул в рот и стал задумчиво жевать. Так он и прошёл мимо с торчащими изо рта травинками, не забывая, впрочем, двигать своего человечка.

– Прикол у него к Сюзанне, – прокомментировала швейная руководительница. – И занимается только на ней, и себя ею воображает. Впрочем, иногда Пушкиным становится. Потому и цилиндр... А руки у него золотые.

– Здравствуйте! – громко окликнула меня старая знако-

мая Тая, снова широко улыбаясь. – Вы меня помните? Я Тая. Не Таня, а Тая. Иду на литературную студию. Она вон там, в столовой происходит. Хотите зайти? Её ведёт настоящий писатель.

Неужели я мог отказаться?

В углу обеденного зала вокруг трёх сдвинутых вместе столиков, на которых были разложены книги, листы бумаги и ручки, собралась небольшая пёстрая компания. Писатель был, похоже, действительно настоящий: лохматый, бородатый, полуседой, в очках и в алой футболке. Он приветливо кивнул нам, приглашающим жестом указав на свободные стулья. Мы сели (впрочем, Тая через несколько минут куда-то заторопилась и тихонько ушла). А писатель продолжал свою речь:

– Вы уже знаете, что стихи отличаются от прозы только одним особым знаком препинания: разделением на строки. А если фраза занимает только одну строку, это проза или стихи? Что скажете, Илья?

Илье было за тридцать. У него было умное лицо, глубокие глаза и нескладное худое тело, с трудом поддающееся управлению. Начиная говорить, он некоторое время не мог овладеть звуком. Да и то, что ему удавалось сказать, с усилием проталкивая слова через непослушные речевые мышцы, понять было нелегко. Поэтому писатель подхватывал его слова и повторял для всех:

– Тогда это просто-напросто одностишие... Отличное за-

мечание! А ты, Костя, как думаешь?

Костя (тот самый, критик Чуковского) тем временем молча тянул вверх руку. Теперь он выпалил:

– Вы же сами говорили, что можно написать эссе из одной фразы. Значит, это может быть и проза.

– Тоже верно. А ещё есть такой литературный жанр – афоризм. По-гречески «афоризм» значит «определение». Мы сейчас попробуем придумывать как раз такие афоризмы. Возьмём слово и подумаем, что оно значит. Не как в словаре, а по-своему. Пусть будет или смешно, или задумчиво, или вообще как-нибудь необычно. Ну вот, например, что такое лошадь? Таня, ты как думаешь?

Маленькая девочка с напряжённым лицом, тихо-тихо сказала, подумав:

– Это такие высокие качели.

– Здорово! – улыбнулся писатель и заплодировал. К нему присоединились и другие. – А ты, Лёша?

Мальчик лет четырнадцати мечтательно смотрел в пространство. Все ждали. Наконец он произнёс:

– Это живое движение.

Аплодисменты. Костя молча тянул руку. Дали слово и ему.

– Лошадь – это животное, рядом с которым человек чувствует себя человеком.

– Вот это да! – восхищённо сказала молодая женщина, рядом с которой в коляске сидел мальчик лет пяти-шести, от-

странённым взглядом глядя вверх. Он молчал и почти не шевелился.

– А вы, Ирина, как определите?

– Я бы так сказала. Лошадь – животное, благодаря которому человек научился летать... по земле, ну и... на землю.

Все засмеялись. Виктор Гаврилович торопливо записывал определения на листке бумаги. Заметив мой взгляд, пояснил:

– Вечером в компьютер введём, завтра в стенной газете опубликуем. А в конце смены книжку выпустим... Катя, я вижу, ты тоже придумала. Давай!

Кате лет пятнадцать. Те же затруднённые движения рук. Усилия, чтобы выговорить каждое слово. Но усилия радостные. Я бы даже сказал – победоносные. И сверкающий взгляд, и постоянно улыбающиеся губы.

– Э-э-т-т-о о-о-осёд-д-лан-н-ный ве-е-е-тер...

Снова раздалась аплодисменты.

– Катя у нас молодчина. Она и эссе уже написала, и сказку сочинила, и рассказ. И вот определение классное, правда? Давай твоё определение, Лёня.

Я обернулся. Ба, да это же эмпирический определитель скорости потоков!

– Лошадь – это быстрая радость для детей.

– Молодец!.. Илья, что вы скажете?.. – Опять пошло трудное выговаривание... – Движение грации? Ну что, очень красиво!.. Теперь незадание на завтра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.